

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-46

УДК 321.02

**ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ КЕМЕРОВСКОЙ
ОБЛАСТИ В ПЕРИОД С 2005 ПО 2013 ГОД**

Пфетцер С.А.

Характер и уровень политического участия граждан рассматриваются в качестве критерия демократичности общества и стабильности его политической системы. Особое значения для обеспечения стабильности общества имеет включенность в общественно-политическую жизнь молодого поколения граждан, гражданское и политическое участие молодежи. В настоящем исследовании операционализируемыми содержательными характеристиками политического участия молодежи выступают уровень его активности, институционализированности и конвенциональности. На основе результатов лонгитюдного исследования общественного мнения молодежи Кемеровской области анализируются закономерности динамики выраженности названных показателей политического участия в период с 2005 по 2013 годы. Приведенные результаты могут быть использованы для построения прогноза тенденций дальнейшего изменения политического участия молодежи регионов России с целью предупреждения его возможной радикализации и профилактики экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: политическое участие, политическая активность, институционализированность, конвенциональность, молодежь.

**A MEANINGFUL CHARACTERISTICS OF THE POLITICAL
PARTICIPATION OF YOUNG PEOPLE KEMEROVO REGION
IN THE PERIOD FROM 2005 TO 2013**

Pfettser S.A.

The nature and level of political participation of citizens are considered as a criterion of democratic society and the stability of its political system. Of particular importance for the stability of society has involvement in social and political life of the young generation of citizens, civic and political participation of young people. In the present study operational meaningful characteristics of the political participation of young people is the level of its activity, institutionalization and conventionality. Based on the results of a longitudinal study of public opinion youth Kemerovo region analyzed patterns of expression of the dynamics of these indicators of political involvement in the period from 2005 to 2013. These results can be used to construct the forecast trends of further changes in the political participation of young people from regions of Russia in order to prevent its possible prevention of radicalization and extremism among young people.

Keywords: political participation, political activity, institutionalization, conventionality, youth.

Политическое участие понимается как инструмент влияния граждан на власть, на формирование ее институтов и их деятельность, и проявляется вовлеченностью в общественно-политическую жизнь. Сегодня характер и уровень политического участия граждан рассматривается в качестве одного из наиболее важных критериев демократичности общества и стабильности его политической системы, показателя его политической культуры. К числу основных со-

держательных характеристик политического участия можно отнести уровень его активности, институционализированности и конвенциональности.

Политическое участие российской молодежи характеризуется сегодня относительно низкой активностью, при этом в качестве основного фактора снижения уровня политического участия рассматривается его принудительность или мобилизационный характер. Соответственно, политическое участие российской молодежи определяется преимущественно как институционализированное и мобилизованное. Основным каналом осуществления политической активности молодежи сегодня является так называемое «системное» политическое участие, проявляющееся в основном вступлением молодых людей в правительственные молодежные политические организации или в «партию власти», и во многих случаях приобретающее характер имитации или квазиучастия. Однако в последнее время наблюдается определенное «пробуждение» российской молодежи, проявляющееся в росте ее неинституционализированной активности, которая может приобретать радикальную или даже экстремистскую форму. Соответственно, характер политического участия российской молодежи, в настоящее время преимущественно конвенциональный, в обозримом будущем может подвергнуться опасному изменению. Отмеченные тенденции в характере и динамике политического участия молодежи, свойственные для современной России в целом, все более отчетливо проявляются и в российской провинции, свидетельствуя о накоплении большего протестного потенциала в молодежной среде российской «глубинки».

Нами исследовались особенности политического участия современной российской молодежи на примере отдельного региона – Кемеровской области Российской Федерации. Кемеровская область, географически расположенная в самом центре России, является сегодня самым густонаселенным и урбанизированным регионом за Уралом. Индустриальный характер экономики области, развитая угольная, металлургическая и химическая промышленность опреде-

ляют высокую концентрацию рабочих среди активного населения региона. При этом доля шахтеров и промышленных рабочих среди молодежи Кузбасса является сегодня одной из самых высоких в России. Специфика социальной структуры молодежи Кемеровской области может проявляться в быстром росте протестных форм политического участия, как это уже случалось в недавнем прошлом – так, именно Кузбасс оказался родиной первых в СССР забастовок шахтеров в 1989 г., приведших к появлению первых в стране независимых профсоюзов, первых независимых СМИ и т.д., и во многом определивших направление и характер дальнейшего политического развития. В этом контексте оценка трансформации содержательных характеристик политического участия молодежи данного региона имеет особое значение.

В качестве основного метода сбора фактического материала мы использовали специально проведенный опрос общественного мнения. Как указывают Д.Б. Мангейм и Р.К. Рич, благодаря своим возможностям опросный метод сегодня широко используется не только в социологии, но и в политологии и других смежных дисциплинах [4, с. 183-223]. В данном случае опрос общественного мнения представлял собой исследование политического участия молодежи Кемеровской области, осуществленного в рамках общероссийского опроса по программе, разработанной кафедрой политической социологии и психологии факультета политологии Московского государственного университета под руководством Е.Б. Шестопал. В ходе сравнительного анализа результатов данного опроса в некоторых случаях мы ссылаемся на подобные исследования, проведенные в ряде других регионов Сибири и на общероссийской выборке. При этом мы опирались на методологию принятого в политологии вторичного анализа опросных данных. Для оценки динамики исследуемых показателей полученные нами результаты сопоставлялись также с данными ранее проведенных опросов на аналогичной выборке [1;12]. Как отмечают Дж. Б. Мангейм и Р.К. Рич, «утверждение, о том, что одно явление явилось причиной другого, ос-

новывается на понятии изменения. Прежде чем утверждать, что имело место причинное воздействие, мы должны быть в состоянии продемонстрировать, что произошло изменение, а понятие изменения предполагает сравнение» [4, с. 130]. В этой связи наше исследование основывается также на методологии так называемой «программы измерения временного ряда», где в качестве зависимой переменной рассматриваются характеристики политического участия молодежи, а качестве независимой – особенности системы ее ценностных предпочтений, в свою очередь понимаемые как зависимые от изучаемых социально-демографических и социально-экономических факторов. Для подтверждения статистической достоверности различий в распределениях признаков в описываемых выборках осуществлялась проверка гипотезы об их однородности с помощью критерия Колмогорова-Смирнова (λ_α), где значение критерия, соответствующее уровню значимости $\alpha=0,05$ равно 1,36; $\alpha=0,01$ – равно 1,63; $\alpha=0,005$ – равно 1,73; $\alpha=0,001$ – равно 1,95.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики, численность постоянного населения Кемеровской области на 2011 г. составляла 2761,3 тыс. человек. Доля молодежи от 16 до 30 лет в составе населения области в соответствии с общероссийской тенденцией постепенно снижается: с 28,2% в 2005 году до 22% (618,4 тыс. человек) в 2011 году. Генеральной совокупностью для проведения опроса является население в возрасте от 16 до 30 лет, постоянно проживающее на территории муниципальных образований. В ходе социологического исследования, проведенного в июне 2013 г., было опрошено 1578 жителей Кемеровской области в возрасте от 16 до 30 лет. После корректировки первичного массива данных численность выборочной совокупности составила 1500 человека. При доверительной вероятности 96%, ошибка репрезентативности не превышает 3,2%. Квотирование выборки проводилось по трем критериям: пол, возраст и территория проживания. Объем и структура выборочной совокупности респондентов отвечают требованиям

репрезентативности для населения соответствующих муниципальных образований и при этом обеспечивают сопоставимость сравнения с предшествующими годами наблюдения.

В опросе принимали участие жители 7-и городов (включая Кемерово и Новокузнецк) и 4-х муниципальных районов Кемеровской области. В Кемеровском, Новокузнецком, Прокопьевском городских округах опрос проводился в пяти разных точках, в остальных городских округах в трех точках, таким образом, чтобы были охвачены и центральные, и отдаленные территории, население многоквартирных домов и частного сектора. В муниципальных районах, попавших в выборку, опрос проведен в трех городских и сельских поселениях из разных частей муниципального района. В целом, результаты опроса отвечают требованиям валидности, репрезентативности, точности и могут представлять мнение молодежи (16-30 лет) Кемеровской области.

Перечень эмпирических индикаторов собственно политического участия молодежи был разработан нами с учетом имеющихся моделей типологии его уровней, форм и направленности. При разработке этого перечня главным критерием была распространенность соответствующих разновидностей политического участия в условиях современной российской провинции. Потому мы, также как и некоторые другие авторы, не рассматривали, в частности, широко используемый в зарубежных исследованиях показатель финансовой поддержки партии или кандидата во время избирательной кампании. Активность политического участия оценивалась по критериям познавательной (интерес к социально-политической жизни) и электоральной (участие в выборах различного уровня в качестве избирателя) вовлеченности. При этом показатель электорального участия не дифференцировался по участию в местных, региональных или федеральных выборах, поскольку в данном случае нас, как и Э. Ключенко, интересовало голосование в принципе, как общий показатель политической активности, безотносительно к его разновидностям [3, с. 59]. Показателем инсти-

туционализированности, соответственно, выступала институциональная вовлеченность, т.е. членство в общественно-политических организациях, движениях или партиях, и/или реальное участие в их деятельности, а также информированность об их деятельности. Критерием конвенциональности выступали готовность к участию в санкционированных или несанкционированных формах политической активности, а также поддержка действующей власти или системной оппозиции, или же причисление себя к сторонникам внесистемной, «уличной» оппозиции. Таким образом, нами были отобраны наиболее важные исходя из задач нашего исследования показатели политического участия молодежи, а не все существующие их разновидности.

Как показывают результаты проведенного нами исследования, молодежь Кемеровской области характеризуется в целом невысоким уровнем социально-политической активности. При этом сама по себе социальная активность рассматривается молодежью региона как позитивное явление: почти 90% опрошенных относятся к социально активным людям положительно или скорее положительно, и более 80% считают, что такое же положительное отношение присуще большинству россиян. Более 60% молодых людей относят себя к общественно активным людям (таблица 1). Однако процент реально участвующих общественной жизни в тех или иных конкретных формах заметно ниже: так, в тех или иных формах общественной деятельности участвовало не более 20% молодежи.

Таблица 1

Представление о себе как об общественно активном человеке
(% от числа ответивших)

Оценка себя как общественно актив- ного	Кол-во	%
Определенно да	287	19,13
Скорее да	617	41,13
Скорее нет	447	29,80
Определенно нет	146	9,73

В рамках исследования показателей активности собственно политического участия молодежи нами анализировался, в частности, уровень ее интереса к социально-политической жизни. Согласно данным исследовательской группы «Циркон» молодые люди в провинции характеризуется меньшим интересом к политике: «чем дальше они живут от Москвы и крупных индустриальных центров, тем ниже их интерес к политике и, соответственно, наоборот» [9]. Полученные нами результаты, напротив, свидетельствуют о том, что большая часть молодежи Кузбасса интересуется общественно-политической жизнью страны, своего региона или города. Однако уровень этого интереса за последние годы весьма значительно снизился, что отчасти может быть связано со стабилизацией политической системы, с отсутствием существенных перемен в политической жизни страны (таблица 2). Тем не менее, уровень такого интереса сохраняется на относительно высоком уровне и, по некоторым данным, превышает общероссийские показатели: так, согласно результатам исследования, выполненного по заказу Фонда имени Ф. Эберта в 2007 году, лишь 14% молодых россиян интересовались политикой, до 20% старались быть в курсе политических событий, а две трети характеризовались отсутствием интереса политике [6, с. 73]. Исследование интереса к политике молодежи соседнего Алтайского края также продемонстрировало более низкие, чем в нашем случае, результаты – по данным Е.В. Романовой, около 40% молодежи не испытывают никакого интереса к общественно-политической жизни [8, с. 255].

Однако уровень фактического социально-политического участия молодежи Кузбасса оказывается более низким: так, в работе политических или общественных институтов участвует сегодня лишь чуть более 10% опрошенных, причем в основном это участие в деятельности профсоюзных (2%) или благотворительных (1%) организаций. Включенность в деятельность собственно политических организаций заметно ниже: в частности, в деятельности «Единой России», сумевшей привлечь наибольшее количество молодежи, участвуют

только 0,6% опрошенных, число участников каждой из других политических организаций (Молодежный парламент, «Женсовет», «Молодая гвардия» и др.) составляет лишь доли процента от молодежи Кемеровской области. Для сравнения – по данным авторов доклада группы «Циркон», членами политических партий или молодежных организаций, выступающих, по их словам, важным «социальным лифтом» для провинциальной молодежи, в 2006 году также являлся примерно 1% опрошенных [9]. В нашем исследовании среди участвующих в политической деятельности больше людей старшего возраста, работающих и семейных.

Таблица 2

Интерес молодежи к общественно-политической жизни
(% от числа ответивших)

Уровень интереса к общественно-политической жизни	2005 <i>(n=1972)</i>	2006 <i>(n=2009)</i>	2013 <i>(n=1500)</i>
Да, интересуюсь	35,5	31,5	19,8
Скорее интересуюсь, чем нет	18,1	18,2	18,6
Время от времени интересуюсь	34,8	34,2	37,1
Скорее не интересуюсь	6,9	10,1	15,5
Нет, не интересуюсь	4,7	6,0	7,4

Примечание. Различия в распределениях ответов в исследованиях: 2005 г. и 2006 г. ($\alpha < 0,05$); 2005 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$); 2006 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$)

Показателем прямого политического участия является голосование на выборах или референдумах. Согласно полученным нами результатам, уровень непосредственного, электорального участия по сравнению с 2005 г. значительно снизился, в настоящее время большинство молодежи Кемеровской области принимают участие в таких событиях лишь изредка или вообще в них не участвуют (таблица 3). Эти данные, взаимосвязанные со снижением доверия к выборным политическим институтам, отражают общую для современной России и достаточно тревожную тенденцию, заключающуюся в росте абсентеизма в молодежной среде и определенной делегитимизации институтов власти.

Таблица 3

**Участие молодежи в референдумах и выборах в органы государственной
власти (% от числа ответивших)**

Участие в референдумах, выборах в органы государственной власти	2005 (n=1972)	2006 (n=2009)	2013 (n=1500)
да, регулярно	43,8	30,9	25,0
иногда	23,2	26,0	33,0
нет, не принимаю	33,0	43,0	40,4

Примечание. Различия в распределениях ответов в исследованиях: 2005 г. и 2006 г. ($\alpha < 0,001$); 2005 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$); 2006 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,005$)

Следует отметить, что снижение уровня электоральной активности не проявляется в росте каких-либо иных форм, в том числе и протестных видов политического участия (таблица 4). Как видно из полученных нами результатов, при сравнении готовности молодежи к различным формам политического участия, описываемым А. Маршем, менее половины принявших участие в нашем опросе потенциально готовы принимать участие в выборах как избиратели, тогда как десять лет назад соответствующую готовность выразили три четверти опрошенных [12, с. 189]. В то же время, число готовых принять участие в других, в том числе и потенциально протестных формах политического участия (в частности, в митингах или забастовках), за это время принципиально не изменилось, по-прежнему составляя примерно десятую часть молодежи региона. Полученные нами данные практически полностью соответствуют результатам И.Ф. Печеркиной, проводившей подобное исследование среди молодежи Тюменской области в 2011 году: согласно автору, в выборах готовы участвовать 45% опрошенных, 40% не готовы принимать участие в любых формах социально-политической активности, и 11% могут проявить протестную активность [7, с. 382].

Таблица 4

Готовность молодежи к различным формам политического участия

Готовность принять участие	Кол-во	%
В выборах как избиратель	682	45,47
В выборах как кандидат в депутаты того или иного уровня власти	141	9,40
В митинге в поддержку той или иной политической партии или движения	128	8,53
В забастовке	163	10,87
Ни в чем	305	20,33
Затрудняюсь ответить	301	23,00

Все это говорит о невысокой политической активности молодежи, о ее неверии в эффективность не только выборов, но и других способов отстаивания своих интересов. Таким образом, политическое участие молодежи Кемеровской области в целом характеризуется относительно низкой активностью, большинство молодых людей дистанцируются от любых форм политической жизни, и, соответственно, потенциально подвержены тому, чтобы оказаться объектами политического манипулирования.

В этой связи интересно рассмотреть степень институционализированности политического участия молодежи, а также отношение молодежи к «системному», управляемому политическому участию. Как указывает С.Н. Чирун, «крайне редко кузбасская молодежь выступает на митингах или демонстрациях в качестве самостоятельного субъекта, обычно молодежные акции проводятся под патронажем "партии власти", региональных, местных властей и, чаще всего, – в поддержку проводимых властью мероприятий» [10, с. 53]. Влияние государственных институтов на политическое участие молодежи осуществляется посредством молодежной политики, под которой понимается деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических, организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив [1]. Поэтому одной

из задач данного исследования было проанализировать отношение молодежи региона к деятельности общественных и властных структур в области молодежной политики. Анализ динамики исследуемых показателей позволяет судить об изменениях настроений молодых кузбассовцев в отношении данного направления социальной политики. Большая часть опрошенной молодежи Кемеровской области считает, что молодежная политика должна существовать как отдельное направление деятельности государства, причем такого мнения придерживаются представители всех социально-демографических групп (таблица 5). Однако процент молодежи, разделяющей эту точку зрения, отчетливо снижается, что может отражать как положительную оценку социальной политики государства (чем качественнее меры социальной политики в целом, тем меньше необходимость выделять молодежь как отдельную группу, требующую особого внимания), так и рост неприятия организации социально-политического участия молодежи со стороны государства. Соответственно, несмотря на принятие подавляющим большинством молодежи организующей роли государства, возрастающее число молодых людей испытывает потребность в большей автономии.

Таблица 5

**Представления молодежи о необходимости существования молодежной политики как отдельного направления деятельности государства
(% от числа ответивших)**

Должна ли существовать молодежная политика, как отдельное направление деятельности государства	2005 (n=1972)	2006 (n=2009)	2013 (n=1500)
Да	91,7	89,2	82,8
Нет	8,3	10,8	15,9

Примечание. Различия в распределениях ответов в исследованиях: 2005 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$); 2006 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,005$)

Результаты нашего исследования одновременно продемонстрировали невысокую информированность молодежи о деятельности органов по делам молодежи в городах, районах, области. Как видно из таблицы 6, менее 30% опрошенных твердо сказали, что знают о деятельности данных структур. Более детальный анализ показывает, что лучше информированы молодежь с более высоким уровнем образования, работающая, проживающая в крупных городах. Хуже информированы учащиеся техникумов и ПТУ, проживающие в малых городах и сельской местности. Динамика изменения информированности молодежи о работе органов по делам молодежи оказалась отрицательной: количество молодых людей ничего не знающих о данных направлениях социальной политики увеличилась на 10%. Это может свидетельствовать как об ухудшении работы по организации связей с общественностью, так и общим падением интереса молодежи к деятельности государственных институтов, связанных со снижением доверия к ним. В любом случае, подобная динамика делает актуальной задачу изменения форм и каналов информирования молодых людей о работе органов по делам молодежи.

Таблица 6

**Информированность о деятельности органов по делам молодежи
(% от числа ответивших)**

Информированность о деятельности органов по делам молодежи	2005 (n=1972)	2006 (n=2009)	2013 (n=1500)
Да	36,3	36,5	29,3
Что-то слышал	35,9	37,2	32,6
Нет	27,8	26,3	37,1

Примечание. Различия в распределениях ответов в исследованиях: 2005 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$); 2006 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$)

Несмотря на невысокую информированность о деятельности органов по делам молодежи, большинство респондентов считают, что они приносят поль-

зу, способствуя решению молодежных проблем (таблица 7). Однако и в данном случае число разделяющих эту точку зрения снизилась на те же 10%. По-видимому, это говорит о том, что чем лучше человек информирован о соответствующей деятельности, тем выше он оценивает ее полезность. Поэтому снижение информированности об органах по делам молодежи закономерно сопровождается снижением оценки их эффективности. Увеличение числа считающих их деятельность бесполезной или даже вредной, практически полностью идентичное росту несогласных с необходимостью существования молодежной политики в качестве отдельного направления деятельности государства, свидетельствует о растущей неудовлетворенности молодежи организацией ее общественно-политической жизни «сверху».

Таблица 7

**Роль органов по делам молодежи в решении молодежных проблем
(% от числа ответивших)**

Роль органов по делам молодежи в решении молодежных проблем	2005 (n=1972)	2006 (n=2009)	2013 (n=1500)
Они приносят пользу	62,3	60,9	51,3
Они бесполезны	9,6	10,8	14,4
Они приносят вред	0,5	1,0	2,2
Ничего не известно об их деятельности	27,6	27,3	30,8

Примечание. Различия в распределениях ответов в исследованиях: 2005 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$); 2006 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$)

Одной из причин такого положения может являться сомнение в том, что деятельность государственных институтов направлена на решение проблем, актуальных для самой молодежи, представление о том, что они заняты «не тем». В этой связи интересно проанализировать мнение молодых жителей Кемеровской области о том, какими проблемами должны заниматься организации, работающие с молодежью. Поэтому в нашем исследовании мы выявили, какие направления их деятельности, с точки зрения молодежи региона, должны стать

наиболее приоритетными (таблица 8). Наиболее важным направлением молодежной политики респонденты считают борьбу с молодежной безработицей. Естественно, эта проблема более актуальна для неработающей молодежи. Тем не менее, о ее необходимости сейчас заявляют на 13% меньше, чем в 2005 г. На главные позиции, с точки зрения респондентов, сегодня выходят задачи интеллектуального развития, а также духовно-нравственного и патриотического воспитания, занявшие соответственно второе и третье места. Молодежь в большей степени, чем восемь лет назад, считает актуальным направлением молодежной политики поддержку студенчества. Помощь молодой семье, решение жилищных проблем, а также оказание социально-правовой помощи, напротив, становятся менее значимыми в качестве первоочередных направлений молодежной политики. Таким образом, приоритеты молодежной политики в глазах самой молодежи значительно изменились. Можно предположить, что экономическая поддержка молодежи скорее всего не утратила свою актуальность, но воспринимается респондентами как должное, в контексте общей социальной политики государства. Одновременно респонденты в большей мере, чем раньше, осознают необходимость интеллектуального и духовно-нравственного развития. Эта интересная тенденция может объясняться ценностной трансформацией в молодежной среде, противоречащей распространенному мнению о росте «бездуховности» современной российской молодежи.

Таблица 8

**Приоритетные направления деятельности органов по делам молодежи
 (% от числа ответивших и ранг соответствующего направления)**

Приоритетные направления деятельности органов по делам молодежи	2005 (n=1972)	2006 (n=2009)	2013 (n=1500)
Борьба с молодежной безработицей	46,2 (1)	40,8 (1)	33,2 (1)
Интеллектуальное развитие молодежи	17,4 (4)	15,5 (4)	27,4 (2)
Духовно-нравственное и патриотическое воспитание	15,6 (5)	14,5 (6)	23,4 (3)
Поддержка студенчества	10,7 (8)	13,5 (7)	18,6 (4)
Организация и поддержка молодежного отдыха	10,6 (9)	12,3 (8)	17,6 (5)
Помощь молодой семье	28,1 (3)	29,7 (2)	16,2 (6)
Поддержка спортивных объединений и клубов	12,5 (7)	11,6 (9)	15,5 (7)
Решение жилищных проблем молодежи	32,9 (2)	29,6 (3)	14,1 (8)
Налаживание межрегионального и международного сотрудничества	2,8 (11)	4,2 (11)	7,2 (9)
Правовая поддержка и защита молодежи	13,4 (6)	15,0 (5)	6,1 (10)
Развитие информационного обеспечения молодежи	3,1 (10)	4,6 (10)	4,3 (11)

Примечание. Различия в распределениях ответов в исследованиях: 2005 г. и 2006 г. ($\alpha < 0,001$); 2005 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$); 2006 г. и 2013 г. ($\alpha < 0,001$)

В целом, можно говорить о желательности для молодежи смены приоритетов в сфере молодежной политики в сторону удовлетворения возросших нематериальных потребностей. Очевидно, что если деятельность государственных институтов и «окологосударственных» молодежных организаций не изменит своей патерналистской направленности и не сможет удовлетворить запрос на обеспечение условий для личностного развития, то эту нишу займут различные автономные формы осуществления молодежной активности, в частности – «виртуальные» сообщества, уже сегодня все более активно развивающиеся в сетевом пространстве, успешно преодолевающие формальные организационные преграды и фактически неподдающиеся управлению со стороны государства, или же «непротивленческие», «пародийные», «шарповские» акции и объединения [11], подобные «Русской пастафарианской церкви», проповедующей веру в «летающего макаронного монстра». С учетом результатов нашего иссле-

дования можно прогнозировать рост влияния неформальных студенческих ассоциаций, интеллектуальных и творческих сообществ, объединений патриотической и другой идеологической направленности т.п.

Одним из декларируемых и в настоящее время направлений государственной молодежной политики является поддержка деятельности различных молодежных организаций и объединений. Однако, как уже отмечалось, подавляющее большинство молодежи региона не охвачено их деятельностью. Более того, по данным нашего опроса 86% опрошенных ничего не знают о деятельности современных общественных и политических молодежных организаций, при этом несколько лучше информирована молодежь старшего возраста и молодые люди с более высоким уровнем образования. Назвать же какую-либо конкретную молодежную организацию смогли менее 3% респондентов, среди упомянутых – общественное объединение «Молодая Гвардия», «Росич», «Молодежный парламент», «Российский союз молодежи», «Союз молодежи Кузбасса», «Жизнь без наркотиков», различные футбольные клубы, строительные отряды, волонтерские организации, патриотические клубы и т.п. Несмотря на достаточно широкий спектр названных организаций, в целом можно констатировать, что в подавляющем большинстве случаев включенность молодежи Кемеровской области в деятельность молодежных объединений невелика и ограничена преимущественно проправительственными организациями.

Еще одной важной содержательной характеристикой политического участия молодежи, взаимосвязанной с уровнем активности и институционализированности, является степень его конвенциональности. По данным исследовательской группы «Циркон», в целом среди российской молодежи уровень готовности к неконвенциональным формам политического участия относительно низок, в то же время немногочисленные пока «молодые радикалы концентрируются в основном в провинции, их там больше, чем в Москве» [9]. Однако регионы Сибирского Федерального Округа, судя по результатам исследования, проведен-

ного «Лабораторией Крыштановской», являются в этом смысле исключением. Согласно этим результатам, молодежь округа относится к современной российской власти наиболее индифферентно, давая ее заметно меньше как позитивных, так и негативных оценок по сравнению с молодыми людьми всей остальной России. Сибирская молодежь характеризуется сегодня наименьшим протестным потенциалом, при этом Сибирский Федеральный Округ оказался единственным в Российской Федерации, в котором вообще ни один опрошенный не выразил позитивного отношения к такому понятию, как «революция» [5].

В нашем исследовании также анализировались степень соответствия политического участия молодежи региона существующим в обществе нормам и правилам, т.е. конвенциональности. Поддержание социальной нормативности, как известно, обеспечивается посредством как правовых так и этических норм, соблюдение которых контролируется одновременно государственными институтами и пользующихся авторитетом отдельными людьми. В этой связи мы оценивали, в частности, готовы ли молодые люди признавать их власть над собой. В ходе исследования опрашиваемым задавался вопрос «Чью власть над собой Вы признаете?». Как следует из полученных нами данных, власть «закона» для респондентов является наиболее существенной, ее признают 72% молодежи, не признают – 28%. Две трети респондентов в своих ответах отмечают признание над собой власти государства (68%), не признают ее 32%. Власть «начальства» признают 57% респондентов, не признают 43%. Власть отдельных людей готовы признать 37%, не готовы – 63%. Таким образом, большинство молодых людей склонны подчиняться правовым нормам, и, соответственно, должны придерживаться легитимных форм политического участия. Однако для более чем четверти молодежи свойственен определенный правовой нигилизм и они потенциально могут принять участие в несанкционированных, нарушающих стабильность политической системы действиях. Следует также обратить внимание на некоторый разрыв между относительно высоким авторитетом правовых

норм и меньшим – государственных институтов и персонифицирующих их лиц, что свидетельствует о том, что для части молодежи они не ассоциируются с законом и его соблюдением. Признание над собой власти отдельных людей свойственно меньшей, но все же значительной части опрошенных и отражает, вероятно, ее потребность в сильных лидерах, что, по Р. Инглхарту, обусловлено ориентацией на материалистические ценности [2]. Однако на вопрос о предпочтении подчиняться или управлять лишь 6,1% респондентов отметили только желание подчиняться, 45,4% молодых предпочли бы управлять, 32,4% не хотели бы ни управлять, ни подчиняться, и 16,2% готовы и управлять и подчиняться, в зависимости от конкретной ситуации. Тем не менее, несмотря на свойственные большинству молодежи здоровые амбиции, почти четверть молодых людей являются ведомыми, обнаруживая потенциальную готовность следовать за другими. Соответственно, вектор их политического участия будет определяться теми, кто окажется способными выступить для них в качестве политического авторитета.

В этой связи особую значимость приобретает то, сторонниками какой политической силы являются молодые люди. В нашем исследовании около трети респондентов является сторонниками действующей власти, почти столько же затруднились ответить на этот вопрос и четверть не отнесли себя к сторонникам ни одной политической силы, что в целом может говорить об аполитичности респондентов или об отсутствии у них сформированной системы политических представлений, недостатке знаний о политической жизни страны (таблица 9). Явное меньшинство (12,1%) поддерживает так называемую системную оппозицию, и лишь немногие (3,5%) считают себя сторонниками внесистемной оппозиции или же отдельных оппозиционно настроенных политических деятелей (1,1%). При этом, как следует из приведенных ранее результатов, симпатии к оппозиции в настоящее время не подкрепляются готовностью к реальному политическому участию, к каким-либо конкретным действиям, что в целом го-

ворит о слабости оппозиции в условиях российской провинции, об отсутствии у нее серьезной способности и эффективных технологий мобилизации молодежи.

Таблица 9

**Сторонниками какой политической силы являются респонденты
(% от числа ответивших)**

Являются сторонниками	Кол-во	%
Действующей власти	439	29,27
Системной оппозиции (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» и т.п.)	182	12,13
Внесистемной (уличной) оппозиции	53	3,53
Отдельных оппозиционно настроенных политических деятелей	17	1,13
Не считают себя сторонником ни одной политической силы	376	25,07
Затруднились ответить	355	28,77

В целом, как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, политическое участие молодежи Кемеровской области характеризуется относительной пассивностью и инертностью. Невысокий уровень интереса к социально-политической жизни и определенная политическая апатия сопровождаются низкой вовлеченностью в организованные формы политической активности, причем в качестве основного «организатора» молодежи выступают преимущественно властные и провластные структуры. При этом, чем меньше у молодежи доступа к социокультурным и информационным ресурсам (например, при низком уровне образования), тем ниже интерес к политике, но тем – относительно – выше уровень доверия к существующей власти, в первую очередь к президенту России, и тем выше готовность эту власть поддерживать, в частности, посредством выборов. Большинство молодежи Кузбасса не готово к несанкционированному политическому участию и, тем более, к политической активности, выходящей за рамки правового поля. Таким образом, особенностями политического участия молодежи Кемеровской области на сегодняшний

день являются невысокий уровень активности и институционализированности, а также преимущественно конвенциональный характер. Однако нарастающее недоверие к основным общественно-политическим институтам, рост неприятия несамостоятельного, управляемого социально-политического участия, увеличивающаяся неудовлетворенность деятельностью органов по делам молодежи и «системных» молодежных организаций побуждают молодых людей искать новые формы самореализации в социально-политической сфере, соответствующие их целям и ценностям. Сказанное актуализирует значимость изучения механизмов регуляции политического участия молодежи для последующего прогноза тенденций его изменения и предупреждения его возможной радикализации.

Список литературы

1. Зеленин А.А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 240 с.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–32.
3. Клюенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 46-72.
4. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М.: «Весь Мир», 1997. 544 с.
5. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры // Интернет-журнал «Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/8369>
6. Молодежь в России. 2010. Обзор литературы. Доклад ООН / под ред. Я. Охана. М.: ФСГС, 2011. 96 с.
7. Печеркина И.Ф. Социально-политическая активность молодежи и проблемы формирования гражданского общества // Сборник материалов VIII

Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 379-384.

8. Романова Е.В. Формирование моделей политического поведения молодежи (по материалам социологического исследования в Алтайском крае) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №4-1(76). С. 254-260.

9. Социально-политическая активность молодежи (некоторые результаты социологического исследования к заседанию семинара «Полития» 25 мая 2006 г.). URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>

10. Чирун С.Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010. №3. С.50-54.

11. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.

12. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.

References

1. Zelenin A.A. *Regional'naya model' gosudarstvennoy molodezhnoy politiki i praktika ee realizatsii* [The regional model of state youth policy and practice implementation]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2008. 240 p.

2. Inghart R. *Polis*, no. 4 (1997): 6–32.

3. Klyuenko E. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, no. 4 (2005): 46-72.

4. Mangeym Dzh.B., Rich R.K. *Politologiya. Metody issledovaniya* [Political science. Research methods]. M.: «Ves' Mir», 1997. 544 p.

5. *Gefter*. <http://gefter.ru/archive/8369>

6. Okhan Ya. (ed.) *Molodezh' v Rossii. 2010. Obzor literatury. Doklad OON* [Review of the literature. Report of the United Nations]. M.: FSGS, 2011. 96 p.

7. Pecherkina I.F. *Sbornik materialov VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po programme «Sotsiokul'turnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov»* [Proceedings of the VIII All-Russian scientific-practical conference on the program "The socio-cultural evolution of Russia and its regions"]. Ufa: AN RB, Gilem, 2012. pp. 379-384.

8. Romanova E.V. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-1 (2012): 254-260.

9. <http://www.zircon.ru/upload/iblock/f5e/060525.pdf>

10. Chirun S.N. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*, no. 3 (2010): 50-54.

11. Sharp D. *Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya* [From Dictatorship to Democracy: The strategy and tactics of liberation]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2012. 84 p.

12. Yanitskiy M.S. *Tsenostnoe izmerenie massovogo soznaniya* [Value dimension of the mass consciousness]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012. 237 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пфетцер Сергей Александрович, начальник управления социальной и воспитательной работы Кемеровского государственного университета

Кемеровский государственный университет

ул. Красная 6, г. Кемерово, 650043, Россия

pfetzer@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pfettser Sergey Aleksandrovich, Head of department of social and educational work, Kemerovo state university

Kemerovo state university

6, Krasnaya st., Kemerovo, 650043, Russia

pfetzer@mail.ru

Рецензент:

Зеленин Алексей Анатольевич, д.полит.н., профессор